Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts

Четвертая международная
научная конференция

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

памяти Сергея Григорьевича
Кляшторного (1928–2014)

12–13 февраля 2020 года

ПРОГРАММА, ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург
2020

The Fourth International
Academic Conference

THE TURKO-MONGOL WORLD: PAST AND PRESENT

in memoriam of
Sergei G. Klyashtorny (1928–2014)

February 12–13, 2020

PROGRAMME, ABSTRACTS

St. Petersburg
2020

ОРГКОМИТЕТ
Сопредседатели:
Ирина Владимировна КУЛЬГАНЕК, д. филол. н.
Александр Антонович КОЛЕСНИКОВ, д. истор. н.
Секретари:
Наталия Васильевна ЯМПОЛЬСКАЯ, Ph. D.
Марк Альвиевич КОЗИНЦЕВ, м. н. с. ИВР РАН

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ:
Институт восточных рукописей РАН, Ново-Михайловский дворец, Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, Россия

ОРГАНИЗАТОР: Институт восточных рукописей Российской академии наук

ORGANIZING COMMITTEE
Co-chairs:
Irina V. KULGANEK, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) — Philology
Alexander A. KOLESNIKOV, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) — History
Secretaries:
Natalia V. YAMPOLSKAYA, Ph. D.
Mark A. KOZINTCEV, Junior Researcher at IOM RAS

CONFERENCE VENUE:
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, 18 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, Russia

ORGANIZER:
Institute of Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Все заседания проходят в Зелёном зале и Кабинете изучения Лотосовой сутры ИВР РАН
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

CONFERENCE SCHEDULE

All the sessions take place in the Green Hall and the Lotus Sutra Hall of IOM RAS
Dvortsovaya Emb. 18, St. Petersburg

Среда, 12 февраля / Wednesday, February 12

10.00–11.00 Регистрация участников конференции (ИВР РАН)
Registration of the participants (IOM RAS)

11.00–13.00 Открытие конференции. Пленарное заседание
Opening of the conference. Plenary session

13.00–14.00 Перерыв

14.00–15.20 Заседания по секциям / Panels:

Зелёный зал: «Вопросы изучения тюркских языков»
Green Hall: “Turkic Languages”

Лотосовая сутра: «Вопросы истории тюркских и монгольских народов»
Lotus Sutra Hall: “History of Turkic and Mongolian Peoples”

15.20–15.40 Кофе-брейк / Coffee Break

15.40–17.00 Заседания по секциям / Panels:

Зелёный зал: «Вопросы культуры тюркских и монгольских народов»
Green Hall: “Culture of Turkic and Mongolian Peoples”

Лотосовая сутра: «Вопросы истории тюркских и монгольских народов»
Lotus Sutra Hall: “History of Turkic and Mongolian Peoples”

Четверг, 13 февраля / Thursday, February 13

11.00–12.40 Заседания по секциям / Panels:

Зелёный зал: «История науки»
Green Hall: “History of Turkology”

Лотосовая сутра: «Рукописи и коллекции»
Lotus Sutra Hall: “Manuscripts and Collections”

13.00–14.00 Перерыв

14.00–15.20 Заседания по секциям / Panels:

Зелёный зал: «Вопросы истории тюркских и монгольских народов»
Green Hall: “History of Turkic and Mongolian Peoples”

Лотосовая сутра: «Вопросы тюркской филологии»
Lotus Sutra Hall: “Turkic Philology”

15.20–15.40 Кофе-брейк / Coffee Break

15.40–17.00 Пленарное заседание. Закрытие конференции
Plenary Session. Closing of the conference

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ / CONFERENCE PROGRAMME

Среда, 12 февраля / Wednesday, February 12

10.00–11.00	**Регистрация участников конференции** (ИВР РАН) **Registration of the participants** (IOM RAS)
11.00–13.00	**Открытие конференции. Пленарное заседание** Зелёный зал Руководители заседания: И. Ф. Попова, А. А. Колесников **Opening of the conference. Plenary session** Green Hall. Chairs: I. F. Popova, A. A. Kolesnikov
11.00–11.15	И. Ф. Попова, директор ИВР РАН. Приветствие в адрес конференции
11.15–11.30	А. А. Колесников. О коллеге и учителе
11.30–12.00	Т. И. Султанов. Слово о Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и ивановцах
12.00–12.30	И. В. Кормушин. Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера
12.30–13.00	В. Г. Гузев. О консонантном дуализме в тюркской рунике

13.00–14.00 Перерыв

14.00–15.20	**Секция «Вопросы изучения тюркских языков»** Зелёный зал. Руководитель заседания: В. Г. Гузев **Panel: Turkic Languages**. Green Hall. Chair: V. G. Guzev
14.00–14.20	Г.-Р. А.-К. Гусейнов. Некоторые древние контактные (с шумерским языком) лексические свидетельства первоначальной переднеазиатской локализации алтайских (тюркских) языков
14.20–14.40	М. Э. Дубровина. Особенности реализации графем для передачи гласных в орхонских надписях
14.40–15.00	Х. А. Захаров. Анализ фоноструктуры наименований общественно-политических явлений в якутском языке
15.00–15.20	А. Ш. Юсупова. Учебные двуязычные словари татарского языка XIX в.
14.00–15.20	**Секция «Вопросы истории тюркских и монгольских народов»** Кабинет изучения Лотосовой сутры. Руководитель заседания: И. В. Кормушин **Panel: History of Turkic and Mongolian Peoples** Lotus Sutra Hall. Chair: I. V. Kormushin
14.00–14.20	В. В. Аксенов. Реконструкция половецких ханских династий (по русским летописям XIV–XVII вв.)
14.20–14.40	Ю. И. Дробышев. Упоминания Чингис-хана в русских летописях
14.40–15.00	K. Yildirim, D. Koç. The Word ‘Tatar’ in Various Forms in Chinese Sources

15.00–15.20 И. А. Фукалов. Многофункциональный коллапс постчингизидовой эпохи на территории Кыргызстана

15.20–15.40 Кофе-брейк / Coffee break

15.40–17.00 Секция «Вопросы культуры тюркских и монгольских народов»
Зелёный зал. Руководитель заседания: Ф. Г. Хисамитдинова
Panel: **Culture of Turkic and Mongolian Peoples**
Green Hall. Chair: F. G. Khisamitdinova

15.40–16.00 Г. Р. Мугтасимова. Паремиологические единицы татарского языка и письменное наследие тюркского поэта Юсуфа Баласагуни

16.00–16.20 Н. Дж. Мехтиева. Население, быт и культура Восточного Туркестана в трудах С. Г. Кляшторного

16.20–16.40 Д. А. Носов. Культ земли в Халхе: от народных рассказов до политико-административной практики 1920-х гг.

16.40–17.00 С. Н. Цеденова. Вклад А. В. Бадмаева в сохранение письменного наследия калмыцкого народа

15.40–17.00 Секция «Вопросы истории тюркских и монгольских народов»
Кабинет изучения Лотосовой сутры.
Руководитель заседания: Т. Д. Скрынникова
Panel: History of Turkic and Mongolian Peoples
Lotus Sutra Hall. Chair: T. D. Skrynnikova

15.40–16.00 Э. М. Летифова. О следах тюрко-монгольских завоеваний, отложенных в топонимике северо-западных регионов Азербайджана

16.00–16.20 А. А. Мехтиева. Топонимы, связанные с городами и крепостями, в монографии С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники»

16.20–16.40 А. А. Мамедова. О терминах «муган» и «мугал» в Азербайджане

16.40–17.00 Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин. К исторической топонимике Внутренней Азии: *qaйuj* и *qasuj* памятников древнетюркской рунической письменности

Четверг, 13 февраля / Thursday, February 13

11.00–12.40 Секция «История науки».
Зелёный зал. Руководитель заседания: Т. А. Пан.
Panel: History of Turkology. Green Hall. Chair: T. A. Pang

11.00–11.20 Б. А. Алимджанов. Деятельность В. П. Наливкина в качестве 3-го инспектора народных училищ Туркестана (1889–1896 гг.)

11.20–11.40 Т. А. Пан. Варианты легенды о происхождении маньчжурского императорского рода Айсинь-Гиоро

11.40–12.00 М. А. Козинцев. Сотрудник Турецкого кабинета ИВ АН А. Е. Мочанов: жизненный путь и проблематика исследований

12.00–12.20 Т. И. Юсупова. Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е гг.: цели и результаты

12.20–12.40	Д. В. Сапрынская, И. В. Соколовский. «Заметки о Хами» Ю. А. Скавронского как исторический источник о Синьцзяне первой половины XX в.

11.00–12.40	**Секция «Рукописи и коллекции»** Кабинет изучения Лотосовой сутры. Руководитель заседания: И. В. Зайцев. **Panel: Manuscripts and Collections**. Lotus Sutra Hall. Chair: I. V. Zaytsev.
11.00–11.20	Н. Гезалова, А. Багиров. Об Азербайджанской коллекции Бахман Мирзы Каджара
11.20–11.40	О. В. Лундышева. Рукопись уйгурским брахми из Сериндийской коллекции ИВР РАН: попытки идентификации
11.40–12.00	А. А. Туранская. Уйгурская версия Suvarṇaprabhāsa-сутры в коллекции ИВР РАН
12.00–12.20	Н. С. Яхонтова. Ойратская версия истории о Молон-тойне — перевод с тибетского?
12.20–12.40	К. Белек. Арабографические надписи Южного Прииссыккулья

13.00–14.00 Перерыв

14.00–15.20	**Секция «Вопросы истории тюркских и монгольских народов»** Зелёный зал. Руководитель заседания: М. А. Козинцев. **Panel: History of Turkic and Mongolian Peoples** Green Hall. Chair: M. A. Kozintcev.
14.00–14.20	Д. Д. Селюнина. *Küčün* и социальная иерархия в картине мира монголов XVI–XVII вв.
14.20–14.40	Т. Д. Скрынникова. Место *elči* в административной системе Халхи XVIII в.
14.40–15.00	И. В. Зайцев. Крымскотатарские документы в архиве Абдурешида Медиева
15.00–15.20	О. Н. Курова. Конкурсная работа Й. фон Хаммера-Пургшталя по истории Золотой Орды

14.00–15.20	**Секция «Вопросы тюркской филологии»** Кабинет изучения Лотосовой сутры. Руководитель заседания: Г. Р. Галиуллина. **Panel: Turkic Philology**. Lotus Sutra Hall. Chair: G. R. Galiullina.
14.00–14.20	Н. Абдимиталип уулу. Обряд имянаречения у средневековых тюрков (по материалам «Диван Лугат ат-Турк»)
14.20–14.40	Г. Р. Галиуллина. Древнетюркское личное имя в современном татарском ономастиконе

14.40–15.00 Т. А. Аникеева. В. Эберхард и тюркология: о неопубликованном исследовании по тюркскому эпосу

15.00–15.20 Ф. Г. Хисамитдинова. С. Г. Кляшторный и изучение тюркской мифологии

15.20–15.40 Кофе-брейк / Coffee break

15.40–17.00 Пленарное заседание. Закрытие конференции

Зелёный зал. Руководители заседания: И. В. Кульганек, А. А. Колесников

Plenary Session. Closing of the conference

Green Hall. Chairs: I. V. Kulganek, A. A. Kolesnikov

15.40–16.00 А. С. Сараев. Происхождение тюркоязычия в евразийских степях в представлении историков-кочевниковедов середины — второй половины XX в.

16.00–16.20 Т. К. Абдиев, К. Ш. Табалдыев. Новая находка: тюркская руническая надпись на хуме из Саргаты

16.20–16.40 И. В. Кульганек. Научные конференции С. Г. Кляшторного

16.40–17.00 Подведение итогов конференции

Стендовые доклады / Poster Presentations

Д. П. Шульга. Несторианский могильник династии Юань в хошуне Дархан-Муминань (Внутренняя Монголия)

Тезисы

Abstracts

K. YILDIRIM, D. KOÇ
Istanbul, Turkey

The Word ‘Tatar’ in Various Forms in Chinese Sources

The word ‘Tatar’, as in reference to various ethnic communities, peoples, and characters at different times and places in history, appears in various forms in classical Chinese texts. We will attempt to identify the original written forms of some of these names as they appear in several primary sources, in addition to the purpose behind the use of selected characters, their spelling, their different readings, and their reconstructed forms. Our aim is to both reveal the historical course of names referring to the Tatars (which we believe ought to be used very carefully both in historical and linguistic studies) as well as to contribute to a better understanding of the content and meaning of the names.

Т. К. АБДИЕВ, К. Ш. ТАБАЛДЫЕВ
Бишкек, Кыргызстан

Новая находка: тюркская руническая надпись на хуме из Саргаты

Археологический материал, полученный во время многолетних работ в зоне затопления долины Кетмень-Тюбе, разнообразен. Здесь найдены археологические памятники почти всех категорий. На данной территории археологом И. Кожомбердиевым были изучены курганы сакского времени и эпохи великих переселений. Среди катакомбных курганов известен курган, в дромосе которого находился скелет лошади. Погребение лошади является характерным признаком раннесредневековой тюркской культуры, косвенно указывающим на существование взаимовлияния культур потомков племен эпохи великих переселений и тюркоязычных племен, имевших обряд захоронения усопшего вместе с конем.

В 2018 г. нам удалось обнаружить хум в селе Саргата с руническими знаками на венчике. Подобный керамический сосуд с руноподобной надписью — редкое явление, встречавшееся ранее разве что на валунах и на поверхности скальных плит. На наш взгляд, уникальность находки состоит в том, что сосуд был обнаружен на развалинах средневековой крепости. Это позволяет высказать предположение о возникновении и развитии в средневековье у оседло-земледельческих народов Тянь-Шаня и Притяньшаня тюркской письменной культуры.

Техника изготовления надписи состояла в выдавливании рун по сырому хуму еще до обжига. Для получения коротких линий надавливали инструментом один раз, для длинных — два. Некоторые буквы получались в результате нанесения небольших углублений или отдельных черт. Таким образом, данная надпись по своей технике письма отличается от других памятников Кыргызстана, которые, как известно, в большинстве случаев содержали надписи, выдолбленные или прочерченные на камнях или скалах.

В то же время следует отметить, что это не первая руническая надпись, сделанная на керамике. Такая надпись была найдена раньше в Баткене. Кроме того, в музеях

республики имеются экспонаты, подтверждающие, что гончарные мастера иногда оставляли свои своеобразные товарные знаки на керамических изделиях.

Надпись на хуме из села Саргата состоит из 11 букв и читается как *йонык кылыкы,* что означает «способ обтесывания». Сам хум выполнен методом ручной формовки, а не на гончарном круге.

Н. Абдимиталип уулу
Ош, Кыргызстан

Обряд имянаречения у средневековых тюрков (по материалам «Диван Лугат ат-Турк»)

Личные имена — неотъемлемая часть традиционной культуры всех народов мира. Имя является первым знаком вхождения человека в социум. Личные имена включают в себя культурную информацию, являясь отражением этнических и религиозных установок. Также антропонимика связана с различными периодами историии отражает события политической и социально-культурной жизни народа. По этой причине антропонимика как вспомогательная дисциплина является важным источником исследования.

В данной статьедокладе на материалах исторических трудов караханидского периода (X–XIII вв.) предпринята попытка этнолингвистического анализа лексики обряда имянаречения средневековых тюрков. Обрядом имянаречения является совокупность различных ритуалов, основанных на верованиях (начиная древнейших с древнейших времён до наших дней), отражающих концепцию человеческой души. Часто эмоциональная часть обряда имянаречения отражается в личных именах, и изучение лексики обрядов помогает раскрыть историю формирования обрядовой лексики языка, а также определить её связь с историей и менталитетом соответствующего этноса. Важность статьи заключается в сравнительном анализе антропонимов древних и средневековых тюрков с именами, распространёнными у современных тюркоязычных народов (на примере антропонимики современных кыргызов).

В. В. Аксенов
Казань, Республика Татарстан, Россия

Реконструкция половецких ханских династий (по русским летописям XIV–XVII вв.)

Русские летописные своды являются уникальным источником по средневековой истории степных народов Евразии. Наибольшей информационной значимостью обладают Лаврентьевская, Ипатьевская, Никаноровская, Радзивиловская, Уваровская, Хлебниковская, Вологодско-Пермская, Патриаршая, или Никоновская, летописи, Владимирский и Мазуринский летописцы, Супрасльская рукопись.

Используя комплекс русских летописей, словно в мозаике, можно реконструировать наиболее полную картину исторических событий. Благодаря Поучению Владимира

Мономаха, представленному в Лаврентьевской летописи, удалось восстановить половецкую иерархию. Во главе стоял род имевший титул «кагана», или сокращенно кана = хана. В татарском языке «кан» = «кровь». Род «ябагу» являлся братским родом, охранявшим род кагана, но не имевшим права на власть. Тегин — наследник ханского рода. Как правило, это был самый младший в ханском роду. Его тщательно оберегали как продолжателя рода. Подобная иерархия была и у монголов.

По русским летописям можно выделить три ханские династии: Тугоркана, Шарукана и Гиргеня. Родоначальником ханских династий являлся Осень, о котором в русских летописях содержится короткая запись под 1082 г. Под 1094 г., после поражения русских войск и безраздельного господства половцев на Руси, упоминается брак киевского князя Святослава Изяславича с дочерью Тугоркана. После разгрома половцев в 1096 г. русские князья понимают важность мирного урегулирования отношений со степными народами за счет династических браков. Владимир Мономах женит Юрия Долгорукого в 1107 г. на дочери Аепы Осенева, представительнице второй ханской династии. Олег «Гореславич» одновременно женит своего сына, предположительно Всеволода, на представительнице третьей ханской династии, дочери Аепы Гиргенева. С помощью половцев Юрий Долгорукий и Всеволод Олегович занимают киевский великокняжеский стол. Другого сына, Андрея Доброго, Владимир Мономах женит в 1117 г. на дочери Белкат-тегина, сына Тугоркана. В 1163 г. Рюрик Ростиславич (Мстиславич) женится на дочери Изу Белгунова (Белкат-тегина) и становится великим киевским князем. Степь оказалась расколотой на русско-половецкие кланы.

Б. А. Алимджанов
Ташкент, Узбекистан

Деятельность В. П. Наливкина в качестве 3-го инспектора народных училищ Туркестана (1889–1896 гг.)

В 1889 г. в ведомстве инспекции народных училищ Туркестанского края была образована новая должность инспектора народных училищ Туркестанского края, в обязанности которого входил контроль исламских учебных заведений. Этот пост занял В. П. Наливкин, который к 1889 г. наряду с Н. П. Остроумовым был одним из выдающихся экспертов по исламскому вопросу. Выбор администрации пал на него как на идеального кандидата, скорее всего потому, что он считался экспертом по исламу в бюрократических кругах имперской власти. Ведомство инспекции народных училищ Туркестана формально подчинялось Министерству народного просвещения Российской империи, а не Военному Министерству, что ограничивало влияние местной администрации на его деятельность. В. П. Наливкин изучил *мадраса* Туркестанского края и внес ряд своих предложений для «оздоровления» мусульманских учебных заведений. Рекомендации В. П. Наливкина касались главным образом *мутаваллие*в, *мударрис*ов и учебного процесса в *мадраса*. Новый инспектор был намерен улучшить материально-техническую базу и качество преподавания. Его деятельность нельзя сводить лишь к защите имперских интересов в сфере ислама. В. П. Наливкин по-своему понимал *имперскость*, трактуя этот концепт не как доминирование определенной культуры и мировоззрения, а как синтез культур Запада

и Востока. Как эксперт и ученый он ясно понимал, что нельзя ликвидировать *мадраса*, но можно улучшить их деятельность во благо и в интересах локального ислама. Проекты В. П. Наливкина носили реформаторский и модернистский характер лишь частично. В планы В. П. Наливкина входило осовременить, но никак не реформировать мусульманские учебные заведения основательно. Проекты В. П. Наливкина носили элементы контроля со стороны государства в интересах самого учебного заведения.

Т. А. Аникеева
Москва, Россия

В. Эберхард и тюркология: о неопубликованном исследовании по тюркскому эпосу

Вольфрам Эберхард (1909–1989) — известный китаист, в сферу научных интересов которого наряду с историей Китая и Центральной Азии входило, прежде всего, изучение китайского фольклора, культурные взаимосвязи между Китаем и народами Центральной Азии. Наследие ученого в этой области хорошо изучено. Его же тюркологические изыскания пока остаются в тени.

В 1937–1948 гг. В. Эберхард преподавал в Анкарском университете историю Китая, читал курсы по китайскому фольклору и др. Впоследствии в Беркли (Калифорния, США) он подготовил множество курсов, посвященных культурам Центральной, Западной и Восточной Азии, и в то же время сохранял интерес к турецкому и в целом — тюркскому фольклору. В. Эберхард стал соавтором «Указателя мотивов турецкой волшебной сказки», который был им написан совместно с известным турецким фольклористом П. Н. Боратавом (издан в 1953 г.).

По сей день остается неопубликованной работа В. Эберхарда «О сказаниях “Деде Коркут”» (“Über die Erzählungen des Dede Korkut”), оригинал которой хранится в архиве Фольклорного общества Финской АН. Она посвящена исследованию «Книги моего деда Коркута». Главной чертой труда В. Эберхарда, отличающей его от собственно тюркологических исследований «Книги Коркута» и турецкого фольклора в целом, является попытка провести сопоставление имеющихся сюжетов сказаний с греческими мифами, памятниками индийской и персидской литературной традиции, поместив, таким образом, огузский эпос в широкий контекст истории мировой литературы. «Книга моего деда Коркута» всегда представляла особый интерес для ученых, занимающихся сравнительным исследованием и типологией фольклора. Очевидно, что на формирование ряда сказаний «Китаб-и дедем Коркут» оказали сильнейшее влияние как современные им образцы византийского, греческого фольклора, так и архаические сюжеты более древнего периода, что и стало отправной точкой научных изысканий в неопубликованном труде В. Эберхарда.

Н. Гезалова, А. Багиров
Баку, Азербайджан

Об Азербайджанской коллекции Бахман Мирзы Каджара

Доклад посвящен исследованию уникальной коллекции каджарского принца Бахман Мирзы (1810–1884), хранящейся в Институте рукописей имени М. Физули Национальной Академии Наук Азербайджана. Это будет первая попытка детального описания и введения в научный оборот всей коллекции. Уникальность коллекции обеспечивают редкие рукописи и печатные издания на восточных языках. Кроме того, коллекция Института рукописей является единственным крупным собранием библиотеки принца Бахман Мирзы Каджара в мире. Следует отметить, что самые ценные рукописи в коллекции хранятся под шифром М, а большинство рукописей из коллекции Бахман Мирзы значится именно под этим шифром.

Азербайджанская коллекция рукописей Бахман Мирзы состоит на сегодняшний день из 27 рукописей и старопечатных изданий. Принадлежность рукописей к коллекции Бахман Мирзы в Институте Рукописей НАНА определяется наличием его личной печати. Нам известно семь печатей Бахман Мирзы, благодаря чему сегодня можно определить принадлежность к его коллекции различных рукописей хранящихся по всему миру.

Бахман Мирза был известным покровителем литературы и искусства. Несмотря на то, что азербайджанская коллекция представляет собой лишь небольшую часть некогда огромной библиотеки, её значимость представляется в том, что коллекция содержит уникальные рукописи с великолепно выполненными миниатюрами (к примеру, рукопись Бахман Мирзы «Тазкира-и Мухаммед-шахи» С-1079 украшена тридцатью великолепно выполненными миниатюрами в стиле каджарской эпохи XIX в., или рукопись Арифи «Гуй-ве-човган» («Мяч и клюшка») XVI в., — тремя миниатюрами тонкой работы). Самой ранней рукописью коллекции можно считать рукопись «Куллият» («Собрание сочинений») Хагани Ширвани, относящуюся к XV в. Еще четыре рукописи коллекции относятся к XVI в. и восемь — к XVII в. Коллекция состоит в основном из трудов по литературе, религии и истории, что позволяет нам судить об увлечениях Бахман Мирзы. В то же время он сам являлся автором ряда как литературных, так и исторических трудов.

Память о Бахман Мирзе, талантливом политическом деятеле, полководце и ученом, остается жить в его трудах, а также в разбросанных по многим рукописным хранилищам мира и частным коллекциям рукописных книгах и предметах прикладного искусства Ирана и Азербайджана XIX в.

К. Белек
Бишкек, Кыргызстан

Арабографические надписи Южного Прииссыккулья

Арабографические эпиграфические надписи на территории Кыргызстана являются одним из важных элементов в системе традиционной письменной культуры. Изучение

памятников письменности позволяет частично реконструировать культурную жизнь населения на протяжении целого тысячелетия. В предложенном докладе приведены результаты чтения и интерпретации памятников арабографической письменности найденных на территории Южного Прииссыккулья.

Значительную часть памятников письменности на камне составляют кайраки, т.е. надгробные камни, с высеченными на них эпитафиями. Язык кайраков — арабский, персидский и тюркский. В кайраках обычно содержатся благопожелательные надписи, суры Корана, имя покойного, если он был служителем культа, то его звание. В текстах упоминаются достоинства усопших, их правоверность и заслуги перед исламом. На многие надписи на арабском языке сильное влияние оказали местные языковые нормы.

Арабографические надписи выполнялись различными стилями арабской каллиграфии (куфи, насх, редко талик). Часть кайраков с внешней стороны обводилась (окантовывалась) линиями, углы которых украшались декоративными узорами. Некоторые из декоративных узоров имеют местные народные корни. Обычно встречаются мотивы орнаментов декоративно-прикладного искусства кочевников, т.е. элементы восходят к декоративно-прикладному искусству кочевой среды. Для декоративного оформления, вероятно, использовались орнаментальные мотивы, заимствованные в мусульманских книгах. Часть надписей вырезана на ограниченном чертой участке, т.е. надписи находятся внутри одинарной или двойной рамки или внутри орнаментированной рамки. Эти уникальные кайраки были не только надгробными объектами, но и произведением искусства умельцев-резчиков.

В настоящее время роль памятников письменности возрастает, они являются одними из достоверных, дополнительных источников по истории Кыргызстана и Средней Азии. В данном докладе мы попытались осветить особенности надгробных камней обнаруженных при выполнении проекта Комисии ЮНЕСКО Кыргызской Республики в 2007–2009 гг. «Поиск, исследование и сохранение памятников письменности на камне Кыргызстана».

Г. Р. Галиуллина
Казань, Республика Татарстан, Россия

Древнетюркское личное имя в современном татарском ономастиконе

Ономастикон является хранителем культурного наследия предков, отражает специфику этнической культуры, исторического прошлого, а также взаимосвязь с другими лингвокультурами. Основой татарского ономастикона является древнетюркская система собственных имен. Она, как у большинства тюркских народов, отражает языческие представления, в которых все социальное, личностное воспринимается через понятия о природе. В докладе рассматриваются собственные имена древнетюркского происхождения, которые транслировались в современный татарский ономастикон. Поскольку рассматриваемый языковой материал непосредственно связан с историей и культурой, для анализа привлекались работы историков, языковедов, философов, культурологов. Фактический материал извлечен из писцовых книг, татарских шеджере, списков Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан, содержащих имена новорожденных, и др.

В ономастиконе татар можно найти явные соответствия кодов культуры и древнейших архетипических представлений. Возникшие в древнетюркскую эпоху представления о мире и восприятии древним человеком природы, а также сформировавшаяся система координат, сохранились в сознании татарского народа как эталоны культуры. Они легли в основу имянаречения у древних тюрков и стали основой для дальнейшего развития тюрко-татарского ономастикона, с теми или иными изменениями в форме ономастического кода передавались в течение тысячелетий из поколения в поколение.

Трансляция древних верований наблюдается в собственных именах, образованных от названий животных и птиц, сословных титулов и др. В современном ономастиконе татар часть из них занимает устойчивое положение, входит в группу популярных и распространенных имен, участвует в образовании новых ономастических единиц, другие — сохранились в исторических документах или же остались в качестве наименований единичных ономастических объектов.

В. Г. Гузев
Санкт-Петербург, Россия

О консонантном дуализме в тюркской рунике

С 1721–1722 гг. существует загадка происхождения древнетюркской письменности, которой были начертаны надписи на камнях из древних курганов (речь идет о памятниках в честь Кюль-тегина, Тоньюкука и памятнике Могиляну), обнаруженные в Монголии (Н. М. Ядринцевым — в 1889 и 1891 гг. и Е. Н. Клеменц — в 1897 г.).

Заслуга дешифровки загадочных текстов принадлежит В. Томсену. В его работах и до наших дней отчетливо обнаруживается следующее противоречие: с одной стороны, стремление отыскать иностранный (в первую очередь согдийский) источник тюркской руники, с другой — признание рисуночной природы (пиктографичности) некоторых знаков. Наличие пиктограмм и совпадение тюркского названия объекта с фонетическим означаемым знака позволяет думать, что это письмо было создано самими тюрками.

В. Томсен называет девять знаков, представляющих объект, тюркское наименование которого совпадает с фонетическим значением знака (среди них: ϑ, [, β). Неоспоримые, по мнению В. Томсена, сходства побуждают подозревать, что есть и другие знаки, происхождение которых требует такого же истолкования. Тем не менее ученые не могли поверить в автохтонность руники и искали другие объяснения.

Рисуночное происхождение знаков привлекло внимание также и Е. Д. Поливанова, который указал на важную особенность «идеографических» знаков — функционировать «в изоляции, без гласной буквы», что позволяет признать эти знаки логограммами, или силабограммами и трактовать исследование Е. Д. Поливанова как еще один шаг в направлении признания автохтонности ДТРП.

Е. Д. Поливанов ввёл в науку термин и понятие «консонантный дуализм», т. е. употребление разных согласных «*букв*» в зависимости от переднерядности или заднерядности слова. Конечно можно допускать, что в конце короткого эволюционного пути письма возникали отдельные согласные варианты фонем, однако они не были бы способны функционировать как участники консонантного дуализма, поскольку с

фонологической точки зрения (сформулированной Н. С. Трубецким в 1931 г.) носитель языка не может различать звуки речи, являющиеся комбинаторными реализациями, вариантами одной конкретной фонемы (его собственного языка). Следовательно, по мнению А. С. Аврутиной, в ДТРП не могли существовать и предполагаемые согласные буквы, которые представляли бы на письме соответствующие аллофоны, т. е. варианты фонем.

В наше время эту ошибку повторил шведский лингвист Ларс Юхансон. Исследователям пришлось вернуться на известный науке о письме естественный эволюционный путь: рисунки, затем их фонетизация и возникновение словесно-слоговой системы письма, которую мы и обнаруживаем в перечисленных выше надписях VIII в.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов
Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Некоторые древние контактные (с шумерским языком) лексические свидетельства первоначальной переднеазиатской локализации алтайских (тюркских) языков

Исследователи обычно не принимают во внимание ближневосточную прародину ностратической общности, к восточному подразделению которой относится алтайская группа, распавшаяся в VI тыс. до н. э. Так, еще Б. Грозный отмечал факт наличия в шумерском языке, на котором говорили в Южном междуречье в IV–III тыс. до н. э. (ок. II тыс. до н. э. вытеснен аккадским языком) ‘тюркотатарского элемента’ *dingir* ‘бог’ ~ праалтайское обозначение неба (астральная функция) и главное тюркское мужское божество верхнего мира **Teŋir*. Другой субстратный элемент того же порядка — парное (дихотомия) центральное женское божество из аккадской версии шумерского эпоса о *Гильгамеше — Иштар* — богиня плодородия и плотской любви. Она также является астральным (из пратюрк. *jul-du-ŕ/*jyltyz ‘звезда’ древнейшего праалтайского характера) божеством, олицетворявшим планету Венера.

Еще одно шумерское мужское божество, но более низкого ранга — *Билгамеш/Билгамиш* (название *Гильгамеш* распространилось через аккадский язык). Оно в своей корневой части может быть соотнесено с шумер. *биль-га* ‘предок’, для которого не исключено пратюркское происхождение. Время возникновения эпоса о *Гильгамеше*, прототип которого правил шумерским городом *Уруком*, позволяет отнести его бытование к собственно тюркскому хронологическому уровню.

Возможно, именно к этому времени относятся установленные А. М. Аджиевым сюжетные связи с эпосом о Гильгамеше кумыкского мифологического йыра о *Минкюллю/Мункюллю*, образ жизни которого подобен поведению будущего друга Гильгамеша богатыря *Энкиду* (ср. пратюрк. **aŋ/eŋ* ‘зверь, дикое животное, дичь’). Он, будучи равным ему по силе и наделённым сверхъестественной мощью, живёт среди диких зверей, вместе с ними охотится и ходит на водопой. Кроме того, антропоним *Минкюллю/Мункюллю* может считаться тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурской семантической калькой антропонима *Энкиду*.

Ю. И. Дробышев
Москва, Россия

Упоминания Чингис-хана в русских летописях

Несмотря на длительное подчинение русских земель монгольской власти и большое число летописных и других источников, отразивших зависимость князей от Орды, Чингис-хан упоминается в них крайне редко, причем практически все известия о нем восходят к Галицко-Волынской летописи, включенной в Ипатьевский свод: «Бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингисхан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом. И другие страны они погубили — ратью, а больше всего обманом». Информированность (или словоохотливость) автора Галицко-Волынской летописи об основателе Монгольской империи остается загадкой. Возможно, не только активное взаимодействие региональной элиты с монголами, но и близость к Европе благоприятствовали расширению кругозора автора летописи и побуждали его включать сведения о событиях, происходящих далеко от его родины.

Позже эта информация проникает в Софийскую первую, Воскресенскую, Типографскую, Вологодско-Пермскую летописи, в Московский летописный свод конца XV в. Никакой независимой от Ипатьевского свода информации о смерти Чингис-хана в тангутском государстве русское летописание не содержит.

Второе оригинальное (и на этот раз единственное в данном контексте) упоминание Чингис-хана тоже обнаруживается в Галицко-Волынской летописи в связи с обстоятельствами поездки князя Даниила Галицкого к Бату в 1245 г. В монгольских становищах князь испытал «Чингисхановы наваждения».

Еще раз имя Чингис-хана появляется в ярлыке хана Менгу-Тимура, выданном в 1267 г. на имя митрополита киевского и всея Руси Кирилла и включенном в собрание ярлыков золотоордынских ханов русским митрополитам.

Чрезвычайная редкость упоминаний Чингис-хана в русских источниках может объясняться тем, что в событиях на Руси он непосредственно не участвовал, а русские книжники обычно не проявляли интереса к персонам, не имевшим прямого отношения к тематике их повествований.

М. Э. Дубровина
Санкт-Петербург, Россия

Особенности реализации графем для передачи гласных в орхонских надписях

В репертуаре рунического письма обнаруживается четыре графемы для передачи гласных фонем: α — a/ä, O — o/u, o — ö/ü, ι — y/i.

Считается, что эти графемы употребляются как обычные знаки для гласных. Тем не менее, анализ рунических текстов все больше склоняет автора к мысли о том, что самостоятельного значения эти знаки еще не имели. Тюркские вокалические графемы представляли собой не гласные буквы, а силлабограммы, знаки для целого слога, состоящего из одной гласной, т. е. слога, имеющего структуру Г (Дьяконов И. М.

Предисловие // Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 12.). Исходя из этого высказывается гипотеза о том, что эти знаки употреблялись в текстах в «технических» целях, среди которых можно выделить, следующие:

1. Изменение признака раствора гласных в слоге или в целом слове (переход широких в узкие): μΔTP**O**ϑ — j**o**ry/udy/um — ‘я доводил’.

2. Преодоление исходного гласного в слоге:

λ**ι** — **il** — ‘иль, государство’ (**il** вместо äl).

3. Передача сочетания «согласный + *определенный* гласный».

а) Гласный мог употребляться после графемы ГС, подчеркивая необходимость прочтения гласного именно после согласного, а не перед ним. При этом сам гласный не менялся: νιϑNO[— q**o**naj**y**n — ‘поселюсь-ка я’ (qo вместо oq).

б) Указание на «переворачивание слога», но с изменением исходной гласной: νοκ — **kü**n — ‘день’ (вместо äk+än).

4. Употребление вокалической графемы в конце слова также может быть обусловлено как реализацией слога СГ, так и подкреплением правильного однозначного произношения: OϑΣ — saju — ‘по, вдоль’.

Таким образом, вокалические графемы в ДРП еще не употреблялись систематически, как это происходит в собственно алфавитных письменностях. Потребности в самостоятельном употреблении в рамках слов и словоформ знаков для гласных в этом письме еще не ощущались, так как каждая графема представляла собой силлабограмму со структурой «данный определенный гласный + согласный». Их самостоятельная значимость могла проявляться лишь в случаях логографического использования, когда такие графемы соответствовали звучанию отдельного слова (ι — (y) — ‘дерево’; ο — ö — ‘думать’).

И. В. Зайцев
Москва, Россия

Крымскотатарские документы в архиве Абдурешида Медиева

Доклад представляет собой опыт систематизации документов на крымскотатарском и турецком языках, сохранившихся среди бумаг крымскотатарского общественного деятеля, депутата Второй Государственной Думы Абдурешида Медиева (1880–1912). Эти документы хранятся ныне в Государственном Музее Тавриды в Симферополе. Прежде всего, это письма А. Медиеву от многочисленных корреспондентов. Среди них: Асан Сабри Айвазов (1878–1938) — крымскотатарский писатель, литературный критик, публицист, педагог и общественный деятель, издатель газеты «Ватан Хадими» и преемник И. Гаспринского в деле издания «Терджимана» (4 письма от 7 и 30 апреля, 3 мая 1907 г. из Алупки и 28 ноября 1908 г.); Али Ахмед Тарпи — бахчисарайский издатель и владелец книжного магазина, *хатип* прихода Сырлы-чешме в Бахчисарае (2 письма от 19 и 24 апреля 1908 г.); Мухаммедшакир Мухаммедхарисович Тукаев (1867–1932) — башкирский ахун, депутат Государственной Думы II и III созывов от Уфимской губернии (2 письма от 14 ноября и 2 декабря 1908 г.); главный редактор газеты «Мусульманин» Мухаммед-бек Хаджетлаше (письмо из Парижа, 13 июля 1910 г.); Ахмед Саиб Каплан

(1859–1920) известный османский общественно-политический деятель кумыкского происхождения, эмигрировавший из России в Турцию в 1888 г. и издававший в Каире газету «Санджак» («Знамя»), а затем и газету «Шура-и уммет» («Совет общины») (письмо от 20 шабана 1906 г. из Каира); Хасан Нури — преподаватель турецкой Медицинской школы «Мектеб-и тиббийе-и шахане» (письмо из Одессы, 1905 г.) и др.

Среди бумаг А. Медиева есть и документы других лиц на турецком и крымскотатарском языках: это статья А. Айвазова «Реформа мусульманства», протоколы заседаний мусульманской фракции Государственной Думы; статья, присланная в газету «Ватан Хадими» от О. Челебиева из Правления мусульманского благотворительного общества г. Евпатории; правила (устав) избрания муфтия и кадиаскера (его заместителя) Духовным Правлением мусульман Крыма (Таврическим Магометанским Духовным правлением) и многое другое.

Огромный интерес представляют подлинники нескольких юридических документов эпохи Крымского ханства. Это купчие и раздельные имущества по завещанию отдельных лиц между их детьми с подробным перечислением земель, движимого имущества и скота: например, зулькада 1061 / октябрь 1651 г. (заверенная бахчисарайским кадием Эмруллой); джумада I 1164 / апрель 1751 г.; шабана 1192/август-сентябрь 1778 г. (заверена салгирским кадием Ислямом).

Подробная опись архива готовится нами к публикации.

Х. А. Захаров
Якутск, Республика Саха, Россия

Анализ фоноструктуры наименований общественно-политических явлений в якутском языке

Целью данной работы является выявление особенностей именных основ в якутском языке в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими языками.

В отношении якутского языка наблюдаются следующие изменения:

— образование долгих гласных при выпадении ауслаутного консонантного элемента: як. ***bii*** ~ алт.***bij,*** хак***. pig,*** тув***. beg,*** кирг. ***bek,*** уйг. ***bäk.***

— соответствие согласного в анлауте [s~ǧ, ĉ, ž]: як. ***surt*** ~ алт. ***ǧurt,*** хак. ***ĉurt,*** тув. ***ĉurt,*** кирг. ***žurt,*** тув. ***žurt***.

— соответствие согласных в анлауте: [d~t]: як. ***dÿŋÿr*** ~ алт. ***tÿŋÿr***;

— образование монофтонга при опущении инлаутного согласного элемента [ɤ]: як. ***kaɤan***~алт. ***qaan***, тув. ***qaan***, монг. ***qaan***, бур. ***qaan***.

— соответствие конечного согласного [ɤ~g]: як. ***tamɤa*** ~ кирг. ***tamga***, монг. ***tamga***, бур. ***tamga.***

В отношении якутского языка без фоно-семантических изменений остались формы: алт. ***kur***, алт. ***baatïr***, тув. ***qaan,*** тув. ***ĉurt***, монг. ***qaan,*** бур. ***qaan.***

Исходя из сравнительно-сопоставительного исследования фоно-структурных основ якутского языка с восточно-тюркскими языками, можно сделать следующие основные выводы:

1. Высокий показатель абсолютного совпадения фоноструктуры якутских основ наблюдается в бурятском языке (33%), заметные фоно-морфологические изменения произошли в монгольском языке (78%). Монгольский язык занимает более отдаленную позицию по сравнению с бурятским, алтайским, хакасским, киргизским, уйгурским и тувинским языками.

2. Односложные основы восточно-тюркских и монгольских языков являются более устойчивыми, чем двусложные основы.

3. Анализ фоноструктурных особенностей показал, что инлаутные согласные сохранили первоначальную форму, анлаутные согласные и гласные были заменены следующими элементами**: p, q, ǧ, ć, m, ä** и другими.

4. 96% якутских основ имеют параллели в киргизском языке, 85% в хакасском, алтайском, уйгурском языках, 82% в монгольском языке, 78% в тувинском языке, 75% в бурятском языке.

М. А. Козинцев
Санкт-Петербург, Россия

Сотрудник Турецкого кабинета ИВ АН А. Е. Мочанов: жизненный путь и проблематика исследований

Доклад посвящен Алексею Ефимовичу Мочанову (1899–1940), специалисту по истории Крыма и Турции, научному сотруднику Турецкого кабинета Института востоковедения АН СССР. А. Е. Мочанов, в жизни которого ярко отразились события первой половины XX в., начал свою работу в институте незадолго до Великой Отечественной войны. Рано ушедший из жизни, он оставил небольшое по объему научное наследие, которое тем не менее заслуживает места в истории российской тюркологии. Опубликованные работы А. Е. Мочанова представляют собой яркие образцы ранней советской научно-популярной литературы по востоковедению. При этом их автора не следует считать только популяризатором науки. Кандидатская диссертация, защищенная А. Е. Мочановым незадолго до смерти, говорит о его высоком профессиональном уровне и исследовательском таланте, который, к сожалению, остался не реализованным в полной мере. По сохранившимся архивным материалам, а также довольно скупым упоминаниям в печатных изданиях, докладчик восстановил основные этапы жизненного пути ученого и проблематики его исследований.

И. В. Кормушин
Москва, Россия

Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера

Представляемый доклад посвящен вопросам участия древних диалектов в сложении древнетюркского литературного языка, представленного мировой тюркологии с

открытием, дешифровкой и прочтением памятников древнейшего круга, содержащих надписи первой половины VIII в. Это в первую очередь орхонские и близкие им в государственно-политическом отношении — памятники в честь Тоньюкука, Эль-Этмиша, Кюли-Чора. Ученые признают высокий уровень развитости выразительных средств этих произведений и почти единодушны в том, что для достижения такой степени художественного воплощения требовалось длительное время существования традиции устных поэтических преданий о богатырях. Из этих легенд впоследствии легко рождались рассказы о реальных героях — каганах и полководцах, которые запечатлевались на каменных стелах специальным руноподобным письмом. И все же главной предпосылкой к созданию этих, теперь уже можно сказать, бессмертных словесных произведений является не долговечный материал —камень, не специальное письмо, хорошо подходящее для выбивки по камню, а язык. Язык, который кочующие рапсоды постоянно приспосабливали к новой диалектной аудитории, вводя в него специфические лексемы, фонетические и грамматические формы, образные сравнения и эпитеты, одновременно обогащая как свой язык, так и языковую компетенцию слушателей. Это обычная для многих древних обществ практика данного вида деятельности. Так постепенно, без навязывания, в свободной манере «устоится/не устоится» в течение многих поколений профессиональных сказителей был выработан устный междиалектный поэтический язык. Единственно на основе этого устного языка, а не «вдруг», «как ниоткуда», мог появиться прекрасно отшлифованный орхонский письменно-литературный язык. Тщательно изучая разноплановую (а для нас это — разнодиалектная, если мы не находим другого объяснения) словесную материю письменных произведений, поскольку предшествовавшие им и послужившие основой и образцом для них устные поэтические произведения древнейшей поры, к сожалению, не дошли до нас, исследователь способен проникнуть не только в междиалектные взаимодействия данного (для нас — тюркского) языка, но и «зацепить» межнациональные влияния, например, бродячие сюжеты, этические нормы, политические установления и т. п., что, впрочем, выходит за чисто лингвистические проблемы сложения интердиалектного койне.

О. Н. Курова
Санкт-Петербург, Россия

Конкурсная работа Й. фон Хаммера-Пургшталя по истории Золотой Орды

Австрийский ориенталист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) два раза отвечал на поставленную Российской Академией наук в 1826 г. задачу, суть которой заключалась в разработке истории Золотой Орды. За написание удовлетворяющего всем требованиям Академии труда предполагалась денежная награда. В 1829 г. Хаммер-Пургшталь прислал первое рукописное сочинение на немецком языке, которое не нашло одобрительного отзыва академиков и не было удостоено премии. В 1832 г. конкурс Российской Академии наук был возобновлен. Единственным ответом на этот новый вызов стал пришедший в 1835 г. новый рукописный труд Хаммера-Пургшталя (1272 страницы на немецком языке). На эту работу поступили подробные отзывы Х. Д. Френа, Я. И. Шмидта и Ф. И. Круга. Тексты последних двух отзывов сохранились в СПбФ АРАН и были доступны

докладчику. Они дают исчерпывающую оценку написанной академиком работы. Из них становится понятно, какие стороны труда Хаммера-Пургшталя подверглись наибольшей критике.

Э. М. Летифова
Баку, Азербайджан

О следах тюрко-монгольских завоеваний, отложенных в топонимике северо-западных регионов Азербайджана

Тюрко-монгольские завоевания, оставившие глубокий след в истории обширной географии Азии и Европы, не обошли и территорию Азербайджана.

Полевые исследования, проводимые нами с 1996 г., показывают, что в топонимике северо-западного Азербайджана четко отложились этнические процессы, относящиеся к четырем крупным волнам миграций тюркских племен на Кавказ. В соответствии с задачами данного исследования, мы рассмотрим топонимы, связанные с третьей волной миграций, имевшей место в XIII–XIV вв. в связи с походами монголов.

С походами монголов в 20-е годы XIII в. начинается новый этап в истории Южного Кавказа. Так, в 1220–1221 гг. монгольские полководцы Джэбэ и Субэдэй трижды совершили поход в Грузию, а потом двинулись через Дербент в Кыпчакскую степь. Кыпчаки же, притесняемые монголами, двинулись в направлении Ширвана и Аррана, в том числе и Габалы, на северо-западе современного Азербайджана.

Во время походов Хулагу-хана в Азербайджане и на других завоеванных территориях были поселены некоторые тюрко-монгольские племена, большинство из которых навсегда осели на занятых ими землях.

В труде Рашид ад-Дина перечислены тюркские племена, которых в его время называли «монголами»: в топонимике северо-западного Азербайджана нашли четкое отражение названия четырех из них: джалаир, тамгалык, ойрат и куркан. С джалаирами в Гахском районе Азербайджана связано название древнего селения Джалаир и одноимённой горы около с. Илису.

С племенем тамгалык связано название с. Дамгалы, указанное на карте Илисуйского султанства XIX в. рядом с с. Джалаир. Топоним Тангыт на территории Гахского района безусловно связан с тюркским племенем тангут, о котором сообщает Рашид ад-Дин.

Таким образом, исследование топонимов северо-западного Азербайджана и их сопоставление с письменными источниками данного периода позволяют проследить этнические перемещения, происходившие в период монгольских завоеваний.

О. В. Лундышева
Санкт-Петербург, Россия

Рукопись уйгурским брахми из Сериндийской коллекции ИВР РАН: попытки идентификации

Литературная традиция на древнеуйгурском языке начала активно развиваться в оазисах бассейна р. Тарим, к северу от пустыни Такламакан (в настоящее время Синьцзян-

Уйгурский автономный район, Китай) в IX–X вв. На нее оказали существенное влияние согдийская, китайская и тохарская литературы и языки. Тохарское влияние было особенно заметно на ранней стадии древнеуйгурского буддизма. В результате ряд буддийских текстов, таких как «Майтрейясамитинакака» и «Дашакармапатхаваданамала», были переведены именно с тохарских языков. Само письмо, использовавшееся для записи текстов на тохарских языках, т. н. северо-туркестанское (наклонное) брахми, было заимствовано и адаптировано к потребностям древнетюркского языка. Являясь в основном письмом последователей хинаяны, которые составляли меньшинство, оно оставалось маргинальным. Поэтому число рукописей на древнеуйгурском языке, выполненных письмом брахми, значительно ниже по сравнению с рукописями уйгурским письмом. И еще более редки рукописи, выполненные каллиграфической разновидностью уйгурского брахми. Дошедшие до нашего времени, они в основном представляют собой мелкие фрагменты, содержание которых определить очень сложно, а идентификация текста, за крайне редкими исключениями, невозможна в принципе. Тем ценнее те фрагменты, для которых можно произвести хотя бы частичную идентификацию. Доклад посвящен уникальному фрагменту SI 4648 из Сериндийского собрания ИВР РАН, для которого удалось восстановить сюжет.

А. А. Мамедова
Баку, Азербайджан

О терминах «муган» и «мугал» в Азербайджане

Исторический Азербайджан является родиной тюрков. В источниках содержатся сведения о проживании здесь еще в первых веках нашей эры тюрков и о том, что к этому времени они уже обладали здесь прочными позициями. Сотни этнотопонимов и гидронимов позволяют проследить этнические процессы, протекавшие на данной территории. С этой точки зрения значительный интерес вызывают термины «муган» и «мугал», возникновение и формирование которых позволяет прояснить ряд важных вопросов касательно истории азербайджанских тюрков. Тот факт, что жителей селения Муган Закатальского района называют мугалами, указывает на связь между этими двумя понятиями.

На территории Южного Кавказа имеются десятки поселений с названием «Муган». Самым крупным пунктом, носящим указанное название, является степь, расположенная между реками Курой и Аразом на территории Азербайджанской Республики. Муганская степь являлась главным местом отдыха и принятия важных решений армий хулагуидов, тимуридов, аккоюнлинцев, гарагоюнлинцев, сефевидов, афшаров и каджаров. Великий курултай, позволивший Надир хану Афшару официально стать шахом в 1736 году, тоже был созван именно здесь.

Главным мнением, бытующим в исторической науке по поводу происхождения и времени появления терминов «муган» и «мугал» является гипотеза об их связи с понятиями монгол-могол (могол-мугал-муган). Если взять за основу данное мнение, то история этих терминов восходит к XIII в. Однако вызывает интерес и тот факт, что термин

«муган» встречается и в более ранний период. Так, младший сын скончавшегося в 552 г. Бумын хагана Кушу, воссел на престол с титулом Муган хана. Муганская степь также входила в пределы азербайджанских земель, густо населенных в VI в. тюркскими племенами. Численность тюркского населения здесь в указанном году еще более возросла за счет сабиров. Таким образом, вполне вероятно, что топоним «Муган» и этноним «мугал» были связаны с титулом «муган».

А. А. Мехтиева
Баку, Азербайджан

Топонимы, связанные с городами и крепостями, в монографии С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники»

В древности и средневековье понятия «родина», «земли», «границы» и другие фактически считались священными, что нашло свое отражение в разных исторических источниках. С этой точки зрения изучение труда С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники» имеет большое историческое значение. Автор подробно проанализировал и систематизировал орхонские источники, передал интересную информацию, связанную с данной проблемой. Он разделил все сообщения орхонских памятников, относящиеся к истории и исторической географии, на три группы. К первой относятся сообщения о западной группе каганата в разные периоды его истории, а также упоминания топонима Железные ворота (Темир Капы) — крайнего предела расселения тюрков во времена Бумынь-кагана и Истеми-кагана в VI в. и Кенглю-Тарбана (Kanü tarban) — западной границы Второго Восточнотюркского каганата до 716 г. Во второй группе сообщается о посольствах, прибывших в ставку тюркских каганов из Средней Азии и стран, расположенных к западу от нее. В сообщениях третьей группы рассказывается о походах на запад. Последние содержат описания походов, предпринятых героями надписей. Особенно интересны сообщения о Железных воротах, которые охватывают VII–VIII вв. С. Г. Кляшторный пришел к выводу, что особенно два географических названия встречаются чуть ли не во всех сообщениях надписей, касающихся Средней Азии. Это *Japsi ügüz* и *Temir qapy*. Темир капыг (капы) или Железные ворота — это проход Бузгала в горах Байсун-Тау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза. Позднее информация о проходе встречается в арабской и персидской литературе. Автор, анализируя все топонимы, которые употребляются в источниках, приходит к выводу, что упоминание Железных ворот как границы расселения тюркских народов выходят за рамки VI–VII вв. Название встречается в средневековой топонимике Азербайджана. Также нужно отметить, что в книге С. Г. Кляшторного много раз были использованы топонимы, связанные с городами, крепостями, торговыми центрами, колониями и т. д.

Н. Дж. Мехтиева
Баку, Азербайджан

Население, быт и культура Восточного Туркестана в трудах С. Г. Кляшторного

Во второй половине XIX в. русское научное востоковедение уделяло внимание изучению истории, этнографии, культуры и социально-экономического состояния населения Восточного Туркестана, где в результате исторического развития сложилась своя этническая группа. По словам С. Г. Кляшторного, в трудах М. В. Певцова передается достоверная информация об этногенезе и истории уйгурского народа, так как в его работах нашли отражение приблизительное число, внешний облик, антропологические особенности и этническое разнообразие оседлого и кочевого населения Кашгара. Существует информация других авторов о наличии в этом районе оседлых дунган численностью 6000 человек, перекочевавших сюда из центральных регионов Китая. Передаются сведения о присутствии в Кашгаре 300 цыган. Кочевники составляли четверть всего населения. Сообщается о проживании в регионе полукочевых таджиков численностью 350 человек.

Религиозный фактор играл важную роль в жизни населения Восточного Туркестана. Духовенство обладало влиянием в обществе и составляло важный социальный слой. Отправление правосудия, образование, общественная благотворительность, брак и другие вопросы фактически входили в круг полномочий духовных лиц. Мектебы и медресе составляли основу религиозного образования. Кашгарцы были мусульманами-суннитами без единого признака религиозного фанатизма.

Национальная кухня Восточного Туркестана была близка к кулинарии других тюркских народов. Формы одежды населения Кашгара имели большую схожесть с элементами национальной одежды Туркестанского края. Этнографические описания дают более или менее полную картину жизни народов Восточного Туркестана. Кашгарский народ отличался мягким характером и честностью, гостеприимством и услужливостью. Музыка и архитектура были недостаточно развиты. Архитектурные особенности практически не отличались от архитектуры Центральной Азии. Культура Восточного Туркестана носила национальный характер. Специфические особенности многонационального населения региона нашли свое отражение в культурном строительстве. Изучение Восточного Туркестана имело важное научное значение.

Г. Р. Мугтасимова
Казань, Республика Татарстан, Россия

Паремиологические единицы татарского языка и письменное наследие тюркского поэта Юсуфа Баласагуни

В произведении Ю. Баласагуни «Кутадгу билиг» собраны богатые традиции тюркских народов. Эту мысль подтвердил и известный ученый Х. Миннегулов, отметив, что произведение, помимо выполнения литературно-эстетических задач, является и

учебником жизни, источником познаний. Получив широкое распространение среди татар Поволжья и Приуралья, поэма «Кутадгу билиг» оказала заметное влияние на развитие средневековой татарской литературы.

В «Кутадгу билиг» нашли свое отражение педагогические воззрения древних тюрков. Для подтверждения своих мыслей Ю. Баласагуни широко использовал поэтическое творчество тюркских племен: пословицы, поговорки, изречения. Многие строки произведения «Кутадгу билиг» закрепились в народной речи, и сегодня тяжело определить, имеют ли эти изречения народное или авторское происхождение.

В связи с этим интересно сравнить татарские народные пословицы и «Кутадгу билиг». Как в татарских пословицах, так и в произведении Ю. Баласагуни изображаются характерные для некоторых общественных групп моральные ценности, определяются принципы этики и этикета.

В «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни можно найти много пословиц, которые и в настоящее время продолжают бытовать у татар. Например, в «Кутадгу билиг» зафиксировано предложение «Матурны эзләмә, эзлә игене» (Не ищи красивую, ищи обходительную). А татарская народная пословица гласит: «Матурны эзләмә, күңелгә ятырны эзлә» (Не ищи красивую, ищи душевную). В своих строках поэмы «Кутадгу билиг» поэт Ю. Баласагуни раскрывает красоту женщины: «Акыллы, тәртипле хатын матур ул: акыл һәм дә холык — иң зур матурлык» (Умная, воспитанная жена красивая: ум и характер — самая большая красота). Семантически совпадающую пословицу можно найти в татарском языке: «Хатын акылы матурлыгында» (Красота женщины в уме).

Таким образом, можно заметить, что «Кутадгу билиг», являющаяся неповторимой реликвией мировой литературы, и татарские народные пословицы созвучны. Они составляют кодекс жизни и по сей день не потеряли своего значения.

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

К исторической топонимике Внутренней Азии: *qaйuj* и *qasuj* памятников древнетюркской рунической письменности*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии реконструкция ее историко-культурного прошлого»).

В памятнике древнетюркской рунической письменности Уйгурского каганата из местности Могойн Шинэ Усу в контексте повествования о войнах Элетмиш Бильге-кагана с татарами встречается упоминание топонима *qasuj* (вар. *qašuj*), традиционно отождествляемого с наименованием р. Хануй-гол, притока р. Селенги, на территории Монголии. После находки Тариатской (Терхинской) надписи примерно того же периода исследователям стал известен топоним *qaйuj*, упоминание которого в связке с *künüj* позволило опознать здесь соответственно названия р. Хануй-гол и его притока Хуни-гол. Проблема объяснения существования в синхронных памятниках двух форм одного и того же топонима осложняется тем, что, начиная по крайней мере с XIX в. исследователи Монголии писали о существовании названия *Хасуй*, но, например, Г. Н. Потанин не

обнаружил его у монголов, сообщавших только о р. Хануй. Между тем, в этих работах приводились довольно путаные сведения о географии и топонимике Центральной Монголии. Проблема была решена Д. А. Клеменцем, указавшим на существование р. Хуни-гол как притока р. Хануй, однако отметившим название *Хасуй* как ошибочное. Однако в сочинении «Мэн-гу ю-му цзи» 蒙古遊牧記 (1867 г.) упоминаются формы *Ха-суй* 蛤綏 и *Ха-жуй* 蛤瑞. Опубликованный Н. В. Ямпольской (2015 г.) колофон текста монгольского перевода *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sūtra* (примерно 1678–1702 гг.) содержит упоминание места его составления — *qasui künü-yin belčir-e*, где угадываются соответственно названия рр. *Хасуй* и *Хүнүй.* Факт существования варианта **qasuj* подтверждается несколькими независимыми источниками. Если предположить, что отмеченные китайские написания восходят к среднекитайской эпохе, реконструкция звучаний дает, соответственно, **qasuj* и **qajuj* ~ **qašuj*. Второй вариант позволяет предполагать существование формы **qajuj* < *qaňuj* > *qanuj*. Появление формы *qasuj* (вар. *qašuj*; письм.-монг. *qasuǰ*) может гипотетически объясняться как перезаимствование из среднекитайского (ср. у Г. Й. Рамстеда — в постсреднекитайский).

Д. А. Носов
Санкт-Петербург, Россия

Культ земли в Халхе: от народных рассказов до политико-административной практики 1920-х гг.

Во втором и третьем десятилетиях XX в. в получившей независимость Монголии происходили значительные политические и культурные преобразования. С одной стороны, страна впитывала европейские веяния, с другой — раскрывала исконно монгольские черты, которые не могли в полной мере проявиться при господстве административно-правовой традиции империи Цин.

Одна из таких черт — культ почитания земли, оказала значительное влияние на проведение некоторых политико-административных преобразований в первой половине 1920-х гг. Этот факт был описан молодым советским исследователем В. А. Казакевичем (1896–1937), который в 1923–1925 гг. являлся сотрудником Ученого Комитета МНР.

В трех доступных мне отчетах о его поездках по Монголии, составленных для Ученого Комитета, В. А. Казакевич фиксирует различные аспекты бытования культа почитания земли у халха-монголов — от народных этиологических рассказов о значимости священных гор до его значения при политико-административном делении страны в 1921–1924 гг.

Особо важным исследователь считал случай, который он наблюдал летом 1925 г., находясь в составе комиссии по административно-территориальному устройству бурят, эмигрировавших из Советской России в районы рек Керулен и Халхин-гол. Определяющим фактором при разделении земель между бурятами и халха-монголами для чиновников из Улан-Батора являлось наличие у халха-монголов знаний о правилах взаимодействия с духами конкретных мест.

Следует отметить, что в рассматриваемых отчетах происходит слияние мифологического существа с локусом его обитания. Таким образом, в некоторых случаях в народном сознании субъектами становятся непосредственно сами горы, а не обитающие в них духи.

Т. А. Пан
Санкт-Петербург, Россия

Варианты легенды о происхождении маньчжурского императорского рода Айсинь-Гиоро

Официальными историографическими трудами по ранней истории маньчжурской династии Цин (правившей в Китае в 1644–1912 гг.) считаются «Баци тунчжи» («Всеобщее описание восьми знамен», 1739 г.), «Маньчжоу юаньлю као» («Происхождение маньчжуров», 1781 г.) и «Хуан Цин кайго фанлюэ» («Записи об основании династии Августейшая Цин», 1791 г.). Каждый из них начинается с легенды об основателе правящего рода маньчжурской династии Айсинь Гиоро — Букури Ионшоне, родившемся от небесной девы, проглотившей волшебный красный плод на берегу озера в горах Чанбай-шань. Необыкновенный мальчик спустился с гор по реке в лодке и приплыл в места, где враждовали племена, чтобы прекратить их раздоры.

В европейской литературе эта легенда из официальных цинских работ второй половины XVIII в. появилась на русском языке в 1852 г. в пересказе В. Горского, затем переведена на немецкий язык в 1926 г. Э. Хауэром. Именно эти два перевода используются современными историками по ранней истории маньчжуров.

В 1989 г. в Китае был издан сборник маньчжурских документов, относящихся к периоду маньчжурской истории до завоевания Пекина (т. е. до 1644 г.). Японский исследователь Мацумура Дзюн считает, что эти документы явились черновым вариантом, составленным позднее «Правдивых записей о правлении Августейшего Воинственного императора Тайцзу (Нурхаци)» (Тайцзу У-хуан ди шилу). В первой тетради имеется вариант легенды об основателе правящего рода Айсинь Гиоро. Этот ранний вариант легенды не вошел в официальные истории. Отличие его от более поздних вариантов в том, что Небесный владыка — Абкай хан — решает умиротворить враждующие чжурчжэньские племена. Он превращает одного небесного духа в сороку, а другого — в красный плод. По приказу Небесного владыки дух в образе сороки принес на берег озера другого духа в виде красного плода, который и проглотила одна из дочерей Небесного владыки. Через положенный срок этот небесный дух появился на свет в образе чудесного мальчика Букури Йоншоня — легендарного предка императорского рода Айсинь Гиоро.

Абкай хан является высшим божеством маньчжурского шаманского пантеона, который обитает в Верхнем мире духов. Ни он, ни цепочка превращений небесных духов не упоминаются в более поздних вариантах легенды о происхождении родоначальника маньчжуров. При сравнении вариантов легенды выясняется, что ранний вариант легенды содержит характерные шаманские представления о Небесном владыке и духах. В более поздних маньчжурских исторических трудах второй половины XVIII в. конфуцианские

историографы сохранили лишь указание на небесное происхождение Букури Йоншоня и убрали излишние намеки на шаманский характер первоначального варианта этой легенды.

А. С. Сараев
Чебоксары, Чувашская Республика, Россия

Происхождение тюркоязычия в евразийских степях в представлении историков-кочевниковедов середины — второй половины XX в.

С развитием «алтаистики» в XX в. проблема происхождения тюркоязычия стала рассматриваться лишь в общем контексте поиска прародины «алтайских» языков. Однако некоторые историки пытались решить эту проблему независимо от лингвистов. В докладе рассмотрены взгляды А. Н. Бернштама, Л. Н. Гумилева, С. Г. Кляшторного на проблему происхождения тюркоязычия.

Выбор авторов в какой-то мере произволен, но в то же время неслучаен. Независимых оснований для этого два: 1) все трое — историки, а не лингвисты, что принципиально важно, т. к. они были равноудалены как от «алтаистов», так и от их противников; 2) все трое в разное время предпринимали попытки создать обобщающие труды по истории тюрко-монгольских кочевников Евразии, и в этом смысле каждый самостоятельно пришел к осознанию нерешенности проблемы возникновения тюркоязычия. Третье основание — объединяющее. Между концепциями А. Н. Бернштама, Л. Н. Гумилева и С. Г. Кляшторного имелись и прямые связи. А. Н. Бернштам (с рубежа 1920–1930-х гг.) опирался на «новое учение о языке» Н. Я. Марра, которое пытался соединить с тюркологической традицией. Л. Н. Гумилев (середина 1930-х — конец 1950-х гг.) выстраивал свою концепцию в прямой полемике с А. Н. Бернштамом и, шире, — с «марризмом», и одновременно мыслил себя продолжателем Г. Е. Грумм-Гржимайло. С. Г. Кляшторный, ученик А. Н. Бернштама, в ранних работах (конец 1950-х — 1960-е гг.) вовсе не касался данной темы, но, перейдя к написанию общей истории Великой степи (1990-е — 2000-е гг.), не мог обойти стороной проблему оформления языковых групп у евразийских кочевников. Определенное влияние идей А. Н. Бернштама прослеживается как в общей схеме С. Г. Кляшторного, так и в конкретных выводах.

Взгляды всех троих авторов, что удивительно, едины в главном: родиной тюркоязычия они считали Центральную Азию, но при этом исходное пратюркское состояние (никто из них не считал, что такой язык был один) — «синтетическим», сложившимся в результате длительных контактов различных по языку племен, среди которых значимая роль всеми троими отводилась динлинам.

Д. Д. Селюнина
Санкт-Петербург, Россия

***Кйčйп* и социальная иерархия в картине мира монголов XVI–XVII вв.**

Доклад основывается на материалах трех монгольских летописей XVII в.: «*Sira tuγuǰi*», «*Erdeni tunumal neretü sudur*» и «*Erdeni-yin tobči*», а именно анализе терминов власти, которые использовали авторы текстов. Термин *küčün* является одним из самых частотных и обозначает как физическую, так и сакральную «силу» персонажей. В докладе я остановилась на тех значениях, которые связаны с обозначением и функционированием иерархических отношений. В данном аспекте *küčün* представляет собой связующее звено всей социальной иерархии, посредством которого эта иерархия проявляется, актуализируется и функционирует. Анализ термина в контексте социальной иерархии отражает трансформации, которые произошли в картине мира монголов со времен Великой империи как под влиянием идеологий соседних народов, так и в силу внутренних изменений.

Т. Д. Скрынникова
Санкт-Петербург, Россия

Место *elči* в административной системе Халхи XVIII в.

Как и во времена Чингис-хана, *elči* являлись исполнителями воли правящего лица, которому они принадлежали и которое обозначалось как владетель, хозяин (*eǰen*). «Посланцы наших семи хошунов», как они обозначались в Великом уложении 1709 г., всегда были приписаны к представителю правящей элиты. Количество подвод для *elči* регламентировалось Великим уложением и зависело от статуса того, чьим посланцем он являлся. Посланцы Джебцзун-Дамба-хутухты имели право на десять подвод и двух баранов в качестве довольствия, ханши и хагана — на восемь подвод и двух баранов, вана или бэйлэ — на четыре подводы и двух баранов, дзасака — на две подводы и одного барана.

Другая категория лиц, у которых были *elči* — это нойоны. Они подразделялись на две группы: те, посланцы которых имели право на пользование подводами, и те, у которых такого права не было. Несмотря на то, что число подвод законом не регламентировано, интересы нойона и его посланников защищены: уклонявшиеся от предоставления подвод подвергались штрафу. С одной стороны, посланники нойонов обозначаются нейтрально — обычные, рядовые посланники (*yerü elči*), с другой стороны, они же ниже называются *tüšimet elči* (элчи-чиновники). Из этого следует, что в администрации нойонов *elči* несли постоянную службу, поскольку таковая чиновная должность отмечена в законе. *Elči* выполняли при нойонах различные функции: их направляли к нарушителям, чтобы привести тех в суд, они конфисковывали скот у преступников, осуществляли наказание. За исполнение этих судебных функций они получали содержание. Их деятельность оплачивалась выделением на судебные издержки скота из штрафа, полученного с воров.

Сохранялась за ними и изначальная функция — оповещение жителей, думаю, лидеров прежде всего, о важных и срочных делах, касающихся как военных дел или армии (*čerig-ün kereg*), так и дел высшей категории (*degedü-yin kereg*), возможно, высших государственных лиц или проблем, связанных с безопасностью страны. Это традиционно обозначалось как «три дела»: «(*гурбан уйлэ*) — это враг, болезнь высокопоставленных лиц и посланец-примиритель между двумя нойонами, враждующими между собой».

Посланцы, которые выполняли эту функцию, именовались «спешными»; «неспешными» же посланцами именовались те, которые выполняли несрочные поручения.

Elči играли заметную роль в административной деятельности Халхи XVIII в.

Д. В. Сапрынская, И. В. Соколовский
Москва, Россия

«Заметки о Хами» Ю. А. Скавронского как исторический источник о Синьцзяне первой половины XX в.

Юзеф (Иосиф) Антонович Скавронский, псевдоним — Генрих (в советских документах фигурирует именно как Скавронский Генрих Антонович), родился 20 декабря 1885 г. в г. Калиш, Великопольское воеводство, Польша. Будучи активным членом Польской Социалистической Партии, а затем и «Первой Сибирской Народной Дружины», он пройдет через множество ссылок и тюрем, будет отбывать сроки и в Петроковской, и в Варшавской, и в Александровском Централе. Уже после Февральской революции Скавронский становится сотрудником I разряда Секретно-Оперативного отдела томского ЧК, а с 23 марта по 1 августа — заведующим Тайгинским Отделением Томгубчека. В Синьцзяне он окажется в 1932 г. в качестве заведующего пушнинным отделом Урумчинской конторы Совсинторга в Западном Китае, а с 10 октября 1935 г. будет зачислен в штат центрального аппарата. За этот срок службы в Совсинторге им будут составлены «Заметки о Хами», в которых он во многом следуя имперской традиции описания чужеземного края оставит воспоминания об одном из городских округов Синьцзяна периода 30-х гг.

С победой революции в России и развертыванием деятельности Коминтерна китайская «Новая граница» будет рассматриваться советской властью как одно из направлений для расширения революционного огня. С 1923 г. Синьцзян — плацдарм для создания ячейки и проведения последующего съезда, организации революционной работы в регионе. Один из инструментов, укрепивших отношения Среднеазиатских республик СССР и Синьцзяна, стал «Совсинторг». Его основная работа — организация торговли и поставки товаров между регионами, сопровождалась и исследованием отраслевых возможностей региона. Именно в этой организации Скавронский составит свои воспоминания о бушевавшем тогда Синьцзяне: о советской власти, торговле в период становления национально-освободительного движения в Западном Китае, расселении дунган, сартов и др. народов, кочевой и некочевой бытности, исламе и других созвучных времени Скавронского моментах.

А. А. Туранская
Санкт-Петербург, Россия

Уйгурская версия *Suvarṇaprabhāsa*-сутры в коллекции ИВР РАН

«Сутра золотого блеска» (санскр. *Suvarṇaprabhāsa sūtra*), известная среди древних тюрков как Алтун ярук (уйг. *Altun yaruk*), являлась одним из наиболее популярных буддийских

сочинений в древнеуйгурской традиции. Доказательством этого являются многочисленные рукописные и ксилографические фрагменты этого текста, хранящиеся в мировых собраниях. Известно, что этот текст был переведен с китайского языка в X в. известным переводчиком буддийских текстов на уйгурский язык Шынгко Шели Тутунгом (уйгур. *Šïŋqo šäli tutung*) из города Бешбалык. Рукописный список этого сочинения на уйгурском языке объемом 347 листов, в настоящее время хранящийся в Сериндийской коллекции ИВР РАН, был приобретен С. Е. Маловым в 1910 г. во время его экспедиции в Восточный Туркестан и Западный Китай (1909–1911). Привезенные С. Е. Маловым листы рукописи уникальны — они представляют собой наиболее полный список уйгурского перевода этой буддийской сутры. Помимо этого, колофон, содержащийся в тексте, позволяет датировать часть листов XVII в., временем, когда уйгурское вертикальное письмо не использовалось тюркскими народами. Доклад посвящен палеографическому и кодикологическому описанию листов этого буддийского сочинения из коллекции института.

И. А. Фукалов
Бишкек, Кыргызстан

Многофункциональный коллапс постчингизидовой эпохи на территории Кыргызстана

Изменения, которым подвергся среднеазиатский мир в эпоху, последовавшую после смерти Чингис-хана, окончательно нарушили казавшиеся незыблемыми порядок и систему отношений. Это произошло не в течение нескольких лет, данный процесс был накапливаемым, но необратимым. Каждая волна вызовов по сути усугубляла напор на социум, что в конечном итоге привносило все менее адекватные ответы на более серьезные угрозы. Причин коллапса середины XIV в. на территории Кыргызстана было несколько: изменения климата, нарушение интеграционных и торговых связей, массовые эпидемии, войны, разрушение устоявшихся социальных отношений. Итогом коллапса данной эпохи стала аннигиляция оседлого образа жизни на севере Кыргызстана, смерть городов, фактически сведение на нет торговых связей. Невозможно с уверенностью сказать, что стало последней каплей в уничтожении ранее столь известной городской среды Чуйской и Иссыккульской долин, однако смерть такого города как Баласагун практически произошла очень быстро, что свидетельствует о нескольких факторах, уничтоживших некогда столь важную для региона культуру и торговую факторию. Коллапс всей системы и массовая гибель или уход людей уничтожили властные органы с их устойчивой легитимацией и сакрализацией, погубили огромное количество ремесел, торговых связей и религиозных конфессий. Интеграция, которая складывалась в регионе столетиями, резко пошла на убыль, каждое общество обособилось и старалось не контактировать с внешним миром. Изучение причин и последствий такого коллапса существенно изменит понимание современной картины мира, даст понять то, что и современный нам мир крайне неустойчив и может сам пасть жертвой коллапса.

Ф. Г. Хисамитдинова
Уфа, Республика Башкортостан, Россия

С. Г. Кляшторный и изучение тюркской мифологии

Мифологические представления тюрков в значительной степени изучены. Объектом исследования ученых стали мифы о трехъярусном мироздании, обитателях каждого из миров, сотворении человека и тюркских племен, появлении животного и растительного миров и др. Как результат, в последние десятилетия увидели свет ряд монографий, словари, разделы в коллективных трудах по духовной культуре и языкам тюрков, статьи. Изложенные факты свидетельствуют о том, что изучение тюркской мифологии — развитая область науки. Этому, безусловно, способствовал ряд факторов. Во-первых, это введение в научный оборот в последние десятилетия огромного фольклорного и лингвистического материала, во-вторых, письменных источников, как собственно тюркских, так и на других языках, в-третьих, появление обобщающих, теоретических работ по мифологии, в том числе и тюркской. К числу таких работ, безусловно, относятся труды С. Г. Кляшторного, посвященные древнетюркской мифологии. Именно он одним из первых описал трехъярусное мироздание тюрков, которое состоит из трех уровней: верхнего, среднего и нижнего.

С. Г. Кляшторный, как историк, этнолог, особое внимание обратил на генеалогические мифы древних тюрков, которые, по его мнению, относятся к наиболее архаичному тотемистическому пласту мифологии.

Современные ученые продолжают работу С. Г. Кляшторного: они уточняют сведения об отдельных образах, персонажах, объектах мифологии современных тюрков.

С. Н. Цеденова
Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Вклад А. В. Бадмаева в сохранение письменного наследия калмыцкого народа

Андрей Васильевич Бадмаев, ученый-литературовед, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, почетный работник высшего образования России, член союза журналистов России, член Союза писателей России признается научным сообществом одним из первых современных исследователей письменных памятников на «ясном письме» (тодо бичиг). К исследованию письменного наследия ойрат-калмыцкой литературы он приступил во время учебы в аспирантуре в Институте востоковедения АН СССР (1962–1963, 1965–1967). Литературоведческой теме посвящена и его кандидатская диссертация «Ранние памятники ойратско-калмыцкой литературы (XVII–XVIII вв.)» (защитил в 1967 г.) В годы строительства «развитого социализма» не было принято говорить о существовании дореволюционной калмыцкой литературы, и тем более — о религиозных деятелях прошлого. Смелым шагом стало написание совместно с Г. И. Михайловым раздела о дореволюционной калмыцкой литературе в монографии «История калмыцкой литературы» на калмыцком языке, вышедшей в том же году.

Благодаря авторитету и настойчивости А. В. Бадмаева научно-педагогическая общественность республики в 1968 г. отметила 320-летие старокалмыцкой письменности и провела международную конференцию, посвященную этой дате. Занимаясь изучением письменного наследия калмыцкого народа, А. В. Бадмаев издает ряд работ о творчестве Зая-Пандиды и его роли в духовной культуре калмыцкого народа, позже выходят его «Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе», «Практический самоучитель старокалмыцкой письменности». Результатом исследования калмыцкой письменной традиции стало издание капитального труда «Калмыцкая дореволюционная литература» (1975). Этот труд лег в основу первого тома «Истории калмыцкой литературы» (1981).

С переходом в Калмыцкий университет в 1975 г. А. В. Бадмаев продолжает научную деятельность, сочетая ее с преподавательской. Ему принадлежат разработанные им курсы по калмыцкой дореволюционной литературе, историко-литературным памятникам и калмыцкому стихосложению. В ценнейшем издании памятников ойратско-калмыцкой литературы, появившемся в конце XX начале XXI вв., А. В. Бадмаеву принадлежит работа по отбору произведений, их переводу с монгольского и ойратского на современный калмыцкий и русский языки, составление предисловия к текстам и словаря.

2 марта 2019 г. калмыцкая научная общественность торжественно отметила 80-летие видного калмыцкого ученого и педагога, особое внимание обратив на большой вклад А. В. Бадмаева, который он внес в сохранение письменного наследия своего народа.

Д. П. Шульга
Новосибирск, Россия

Несторианский могильник династии Юань в хошуне Дархан-Муминань (Внутренняя Монголия)

Могильник Аолуньсуму (敖伦苏木古城东北墓群) расположен примерно в километре к северо-востоку от одноименного городища. Погребений здесь выявлено несколько сотен (точную цифру установить сложно, в том числе из-за отсутствия чёткой планировки некрополя). На поверхности могил невысокие каменные кольца 3–6 м в диаметре. При раскопках были обнаружены каменные плиты со слабо выраженными канавками. Возможно, это несторианские надгробия, подвергшиеся эрозии. Часть плит сохранилась лучше, на их торце прослеживается характерный растительный орнамент с христианскими символами. В 1974 г. было вскрыто одно из наиболее представительных погребений. Диаметр каменного кольца здесь сравнительно невелик — 3,2 м. Могила представляет собой вертикальную яму глубиной 2,2 м. Захоронение было ограблено еще в средневековье, из-за чего в заполнение попало большое количество камней. Судя по многочисленным сохранившимся кирпичам, погребальная камера была выстроена именно из них. Обнаружены фрагменты бересты, которые китайские исследователи трактовали как стельки. К северу от погребения найден сломанный надгробный памятник высотой 1,2 м и шириной 0,4 м. На нём сохранилась трёхъязычная надпись (на китайском, монгольском и сирийском языках) и изображение креста (рис. 1–3). Иероглифы расположены в два ряда, текст гласит: «亡化年三十六岁，泰定四年六月二十四日», что

можно перевести как «почил в тридцать шесть лет, в двадцать четвёртый день шестого месяца четвёртого года правления Тайдин-ди». Напомним, что последний правил в 1323–1328 гг. Усопший принадлежал к племени онгутов, его имя по-китайски передано как «阿兀剌编帖木郏思» (Аулабянь Темуцзясы). Он сделал хорошую карьеру и долгое время имел звание даругачи, очевидно, контролировал чиновников не-монголов в пригородах столицы. [1, с. 202–203].

Вышеописанные материалы еще раз показывают нам важную роль несторианского христианства в истории Северного Китая в частности и Центральной Азии вообще.

А. Ш. Юсупова
Казань, Республика Татарстан, Россия

Учебные двуязычные словари татарского языка XIX в.

В лексикографии учебные словари являются самостоятельным типом словарей. Они выделяются обучающей направленностью, что проявляется в составе словника, отборе, размещении, способах подачи и интерпретации лингвистической информации, языке изложения материала, объеме, оформлении.

На протяжении XIX в. было создано более десятка двуязычных словарей. Среди них особое место занимают учебные словари, которые являются важнейшим практическим пособием при изучении татарского языка.

Словарь «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные Иосифом Гигановым» был представлен автором в качестве приложения к его учебнику по татарской грамматике и вышел в свет в 1801 г. Следует отметить, что это первый опыт составления печатного тематического словаря татарского языка. В данном словаре зафиксировано 1 800 лексических единиц в 24 тематических группах. Объём словаря — 75 страниц.

В татарской лексикографии словарь И. Гиганова считается и первым диалектологическим словарём, так как в нём зафиксирован большой лексический материал местных говоров, слова, которые принадлежат восточному диалекту татарского языка.

Второй письменный памятник, который также можно отнести к учебному типу словарей, это «Словарь къ татарской хрестоматии» С. Кукляшева, который был издан в типографии Казанского императорского университета в 1859 г.

Словарь С. Кукляшева является приложением к татарской хрестоматии, в нём зафиксированы только те слова, которые были в текстах хрестоматии. В словаре в алфавитном порядке даны татарские слова, написанные арабским шрифтом, а напротив них кириллицей — их переводы на русский язык. Формат словаря — 16 × 22 см.

Мегаструктура словаря включает предисловие, в котором даны условные сокращения, указывающие на происхождение слов и корпус, который состоит из 3 546 лексических единиц.

Учебные двуязычные словари XIX в. занимают важное место среди письменных памятников татарского языка. Составители словарей при подготовке данных трудов

проводили важную исследовательскую работу в области татарской лингвистики и лингвометодики.

Т. И. Юсупова
Санкт-Петербург, Россия

Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е гг.: цели и результаты

Регулярное посещении изучаемой страны является для востоковеда обязательным фактором успешной работы. Особое значение имеет знакомство с фондами национальных библиотек и архивов, участие в научных мероприятиях, деловое сотрудничество с коллегами научных и образовательных структур, учреждений культуры. В советском академическом пространстве 1920-х — 1930-х гг. зарубежные научные командировки осложнялись не только постоянными финансовыми затруднениями, но и политико-идеологическими проблемами. Тем не менее, в эти годы пяти российским ученым-востоковедам удалось совершить командировки в Турцию. Это были: В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, Н. Я. Марр, Х. З. Габидуллин и И. И. Мещанинов. В силу особенностей организации советской науки их командировки утверждались на самом высоком партийно-правительственном уровне.

Первым, в 1926 г., по приглашению турецкого правительства в Турцию был командирован В. В. Бартольд. Официальной целью его поездки значилось «знакомство с константинопольскими собраниями восточных рукописей». По результатам работы им был подготовлен курс из двенадцати лекций по турецкой истории, прочитанный в Стамбульском университете.

В деле установления советско-турецкого научного взаимодействия в 1930-х гг. знаковой стала командировка в Турцию академиков А. Н. Самойловича и Н. Я. Марра. Их поездка была инициирована лично Мустафой Кемалем, который предложил установить «тесный систематический контакт» с российскими учеными для помощи в развитии турецкой национальной науки. Главный результат поездки выразился в решении Академии наук создать Комиссию по содействию научным связям с Турцией. В 1934 и 1936 гг. наши ученые были приглашены участвовать во Втором и Третьем лингвистических конгрессах в Турции, где они выступили с докладами и участвовали в работе предметных комиссий. Одновременно они смогли познакомиться с собраниями археологических памятников Малой Азии, собрать материал по своим научным специализациям.

В докладе будут рассмотрены цели, мотивации, научные и организационные результаты командировок российских ученых в Турцию; особое внимание докладчик уделит значению научных контактов в укреплении межгосударственных отношений двух стран в этот период.

Н. С. Яхонтова
Санкт-Петербург, Россия

Ойратская версия истории о Молон-тойне — перевод с тибетского?

Ойратская версия популярной истории о Молон-тойне под названием «Сутра о том, как Молон-тойн вызволил свою мать из ада» известна по нескольким рукописным текстам, хранящимся в разных коллекциях в Монголии и Китае. Один текст, привезенный Б. Я. Владимирцовым из Западной Монголии, имеется и в собрании ИВР РАН. Все рукописи имеют только мелкие различия в орфографии, их содержание абсолютно одинаковое. В колофоне указан переводчик — Цултэмджамц, ученик прославленного Зая-пандиты, однако язык, с которого был сделан перевод, не указан.

Известно также, что ойратская версия этого сочинения имеет параллели (местами буквальные совпадения) с китайским текстом из Дуньхуана — «Бяньвень о том, как Великий Маудгальяяна освободил свою мать из мира тьмы». Однако маловероятно, что ойратский перевод мог быть сделан с китайского.

Сопоставление ойратского текста с тибетской версией этого сочинения (рукопись из Музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе) дает некоторые доказательства того, что ойратский переводчик пользовался тибетским текстом. В пользу этого говорят не только текстуальные совпадения, которых довольно много (но также имеется и немало существенных расхождений: пропусков и добавлений слов и текстовых отрывков), но и переводы отдельных слов. Характер переводов последних явно указывает на то, что перевод на ойратский язык был сделан с тибетского (хотя и с какой-то другой рукописи). Случаев, которые подтверждают этот тезис, не очень много, к ним относятся переводы отдельных имен собственных, буквальные переводы тибетских сложных слов и неверное прочтение отдельных тибетских слов, когда вместо одного тибетского слова переводилось другое, но близкое по написанию к правильному. Такие переводы в целом не влияют на связность ойратского текста, они допустимы по смыслу и грамматически вписываются в контекст, но вызывают некоторые сомнения, которые исчезают при обращении к тибетскому тексту.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

KOÇ Dinçer
Assoc. Prof. Ph. D. Istanbul University, Faculty of Letters, Department of History
dincerkoc23@gmail.com

YILDIRIM Kürşat
Assoc. Prof. Ph.D. Istanbul University, Faculty of Letters, Department of History
kursatyildirimtr@yahoo.com

АБДИЕВ Таалайбек Камбарович
к. ф. н., доц., Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
Гуманитарный факультет, отделение тюркологии
taalaykambar@gmail.com

АБДИМИТАЛИП УУЛУ Нурсултан
Преподаватель, Ошский государственный университет, Кыргызско-китайский факультет
nursultan.abdimitalipuulu@mail.ru

АКСЁНОВ Валерий Васильевич
к. и. н., доц., Казанский колледж строительства, архитектуры и городского хозяйства
aksenov1660@mail.ru

АЛИМДЖАНОВ Бахтиёр Абдихакимович
к. и. н., независимый исследователь
balimdjanov@gmail.com

АНИКЕЕВА Татьяна Александровна
к. ф. н., с. н. с., Институт востоковедения РАН, отдел истории Востока
tatiana.anikeeva@gmail.com

БАГИРОВ Акрам Дахил оглу
Ph. D. Институт Рукописей Национальной Академии наук Азербайджана

БЕЛЕК Кайрат
Ph. D, доц., Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Гуманитарный факультет
kairat.belek@manas.edu.kg

ГАЛИУЛЛИНА Гульшат Раисовна
д. ф. н., проф., Казанский федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации
caliullina@list.ru

Гезалова Нигяр Ровшан гызы
к. и. н., в. н. с., Институт Истории Национальной Академии Наук Азербайджана
nigar22@gmail.com

Гузев Виктор Григорьевич
д. ф. н., проф., СПбГУ, Восточный факультет, кафедра тюркской филологии
v.guzev@spbu.ru

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович
к. ф. н., доц., Дагестанский государственный университет, кафедра русского языка
garun48@mail.ru

Дробышев Юлий Иванович
к. биол. н., к. и. н., с. н. с., Институт востоковедения РАН, отдел истории Востока
altanus@mail.ru

Дубровина Маргарита Эмильевна
к. ф. н., доц., СПбГУ, Восточный факультет, кафедра тюркской филологии
maggydu@rambler.ru

Зайцев Илья Владимирович
д. и. н., проф. РАН, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций,
Институт научной информации по общественным наукам РАН
ilyaaugust@yandex.ru

Захаров Христофор Анатольевич
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ
zhristik97@mail.ru

Козинцев Марк Альвиевич
м. н. с., ИВР РАН, Лаборатория Сериндика
m.kozintcev@mail.ru

Колесников Александр Антонович
д. и. н., проф., СПбГУ, кафедра международных гуманитарных связей, в. н. с. сектора
региональных исследований Центра координации исследований РИСИ
akol2006@gmail.com

Кормушин Игорь Валентинович
д. ф. н., проф., г. н. с., Институт языкознания РАН, отдел урало-алтайских языков
igorkormushin@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна
д. ф. н., завсектором Центральной Азии ИВР РАН
kulgan@inbox.ru

Курова Ольга Николаевна
м. н. с., Библиотека Российской академии наук
научно-исследовательский отдел литературы стран Азии и Африки
olga_kurova@rambler.ru

Летифова Эльвира Магомедовна
к. и. н., Бакинский государственный университет, Исторический факультет,
кафедра Истории древнего мира и средних веков
eletifova@mail.ru

Лундышева Ольга Владимировна
м. н. с., ИВР РАН, Лаборатория Сериндика
olgavecholga@gmail.com

Мамедова Арзу Ашраф гызы
Преподаватель, Бакинский государственный университет, Исторический факультет,
кафедра Истории Азербайджана (по естественным наукам)
arzuashraf74@gmail.com

Мехтиева Айтен Али кызы
к.и.н., доц., Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, кафедра всеобщей истории
ayten-69@mail.ru

Мехтиева Нисбет Джанмамед кызы
д. и. н., проф., Бакинский Государственный Университет, Исторический факультет,
кафедра Истории тюркских народов
nisbetmehdiyeva@mail.ru

Мугтасимова Гульназ Ринатовна
к. ф. н., доц., Казанский федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, кафедра общего языкознания и тюркологии
gulnaz-72@mail.ru

Нанзатов Баир Зориктоевич
к. и. н., с. н. с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
отдел истории, этнологии и социологии
nanzatov@yandex.ru

Носов Дмитрий Алексеевич
к. ф. н., н. с., ИВР РАН, сектор Центральной Азии
dnosov@mail.ru

Пан Татьяна Александровна
к. и. н., в. н. с., завотделом, ИВР РАН, отдел Дальнего Востока
ptatiana@inbox.ru

Попова Ирина Федоровна
д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, директор ИВР РАН
iom@orientalstudies.ru

Сапрынская Дарья Викторовна
м. н. с., МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки,
кафедра стран Центральной Азии и Кавказа
soko.n.sapry@gmail.com

Сараев Андрей Сергеевич
м. н. с., БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук», историческое направление (секция этнологии)
andrejsaraev@yandex.ru

Селюнина Дарья Дмитриевна
аспирантка, ИВР РАН
nyakokos@gmail.com

Скрынникова Татьяна Дмитриевна
д. и. н., завотделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН
skryta999@mail.ru

Соколовский Иван Викторович
независимый исследователь
soko.n.sapry@gmail.com

Султанов Турсун Икрамович
д. и. н., проф., СПбГУ, Восточный факультет, кафедра Центральной Азии и Кавказа
тел: 8 (812) 5520489

Табалдыев Кубатбек Шакиевич
к. и. н., проф., Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
Гуманитарный факультет, отделение истории
tabaldievk@yahoo.com

Тишин Владимир Владимирович
к. и. н., с. н. с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, отдел истории и культуры Центральной Азии
tihij-511@mail.ru

Туранская Анна Александровна
к. ф. н., м. н. с., ИВР РАН, Лаборатория Сериндика
turanskaya@mail.ru

Фукалов Иван Алексеевич
к. и. н., эксперт Фонда им. Конрада Аденауэра
fukalov1988@mail.ru

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна
д. ф. н., чл.-корр. АН РБ, завотделом языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН
hisamitdinova@list.ru

Цеденова Светлана Николаевна
к. ф. н., доц., Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Институт калмыцкой филологии и востоковедения, кафедра калмыцкой литературы и журналистики
gerelma_777@mail.ru

Шульга Даниил Петрович
к. и. н., ст. преподаватель СИУ РАНХиГС
alkaddafa@gmail.com

Юсупова Альфия Шавкетовна
д.ф.н., проф., Казанский федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, кафедра общего языкознания и тюркологии
alyusupova@yandex.ru

Юсупова Татьяна Ивановна
д. и. н., в. н. с., Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, Сектор истории Академии наук и научных учреждений
ti-yusupova@mail.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна
к. ф. н., доц., с. н. с., ИВР РАН, сектор Центральной Азии
nyakhontova@mail.ru